

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

Колымские рассказы

Книга первая

ФТМ

Москва

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ш18

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Р. Г. Горелова «Двое». 1970–1979. Холст, масло.
(ГБУК «Музей истории ГУЛАГа». ГМИГ КП-3)

Шаламов В.

Ш18 Колымские рассказы. Книга первая : [сборник] / Варлам Шаламов. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2022. — 774 с. — (Серия «Мемориал»).

ISBN 978-5-4467-1347-9

Книга первая. — 774 с.

ISBN 978-5-521-74347-6

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982) — прозаик и поэт. Его произведения из цикла «Колымские рассказы» — это страшный документ эпохи, исследование физической и моральной деградации человека в условиях трудового лагеря. Безжалостная проза В. Т. Шаламова о ГУЛАГе основывается на пройденных им кругах ада в исправительно-трудовых лагерях конца 1920-х — 1950-х годов. После возвращения с Колымы он написал более 140 рассказов и очерков.

«Колымские рассказы», представляющие беспощадную правду о жизни советских заключенных, состоят из шести сборников рассказов и очерков. В. Т. Шаламов настаивал, что цельными произведениями являются именно сборники с сохранением порядка, в котором расположены рассказы. В эту книгу вошли первые три авторских сборника из цикла — «Колымские рассказы», «Левый берег» и «Артист лопаты».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-4467-1347-9
ISBN 978-5-521-74347-6

© Шаламов В. Т., наследники, 2022
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ПРАВДА ТАЛАНТА

В 1964 году А. И. Солженицын писал Шаламову: «И я твердо верю, что мы доживем до дня, когда и «Колымские тетради», и «Колымские рассказы» тоже будут напечатаны. Я в это твердо верю! И тогда-то узнают, кто такой есть Варлам Шаламов».

(«Знамя», 1990, № 7, с. 62.)

Этот день пришел, но Варлам Тихонович не дожил до него. А писатель так страстно жаждал высказаться, встретиться с читателем, доверить ему «летопись своей души».

Конечно, читать Шаламова — большой и серьезный труд, который требует не только сопереживания, но и сотворчества, переосмысления собственной жизни, какого-то нравственного вывода, поступка. «Я пишу для того, чтобы люди знали, что пишутся такие рассказы, и сами решились на какой-либо достойный поступок — не в смысле рассказа, а в чем угодно, в каком-то маленьком плюсе».

(«Знамя», 1995, № 6, с. 145)

Виктор Некрасов, прочитав зарубежные, еще неполные издания «Колымских рассказов», поразился не только эстетическому, но и нравственному их заряду: «Шаламов, конечно же, писатель великий».

Даже на фоне всех великанов не только русской, но и мировой литературы.

«Колымские рассказы» — это громадная мозаика, воссоздающая жизнь (если это можно назвать жизнью), с той только разницей, что каждый камешек его мозаики сам по себе произведение ис-

куства. В каждом камешке предельная законченность... Шаламова надо перечитывать. Твердить, как некую молитву».

(«Всемирное слово», 1992, № 3, с. 81)

Действительно, каждый «камешек»-рассказ Шаламова имеет настолько завершённую форму, что она становится естественной, отражая предельную убедительность и достоверность содержания, к тому же общая композиция сборников-циклов рассказов строго выстроена автором.

Каждый сборник, составляющий «Колымские рассказы», открывает как бы рассказ-камертон, рассказ-символ, задающий звучание книге: бесконечность — снег («По снегу»), память — смерть — бессмертие («Прокуратор Иудеи»), искусство — воскресение («Тропа»), душа — тело — истина («Перчатка»).

Каждый сборник имеет «опорные» рассказы, как называл их Шаламов, завязку, кульминацию, развязку, то возвращающую героя на круги ада («Тифозный карантин»), то озаряющую его душу мгновением чуда-воскрешения («Сентенция»), то уводящую его в жизнь-память, жизнь-верность погибшим.

Проза Шаламова — это проза поэта. Ее художественные качества — плотность, символичность, многообразный ритм, то обрывающийся, как непрочная нить человеческой жизни, то взрывающийся страстной ритмичной гневной речью, то звучащий эхом тяжкой поступи по земному аду человеческих страданий, то устремляющийся к вечному голубому небу...

«Я тоже считаю себя наследником, — писал Шаламов, — но не гуманной русской литературы XX века, а наследником модернизма... начала века. Проверка на звук. Многоплановость и символичность...»

(«Знамя», 1995, № 6, с. 155)

Поэтические по существу, художественные качества шаламовской прозы обращены, естественно, не столько к разуму читателя, сколько к его чувству, к его душе. Хотя, конечно, расшифровка символики прозы, ее философского подтекста требует определенной эрудиции читателя.

«Колымские рассказы» настолько потрясают, что не только читатели, но и многие литературоведы не в силах оценить их иначе как историческое свидетельство о трагедии человечества XX века.

И в этом — писательское мастерство Шаламова. Автор стремился к тому, чтобы рассказ стал неопровержимым документом, именно для этого он должен был обрести ту совершенную форму, которая позволяет так сильно воздействовать на читателя, так мощно запечатлеть время.

После издания небольшого сборника «Колымских рассказов» в США (1980 г.) видный литературный критик Н. Солсбери писал:

«Литературный талант В. Шаламова подобен бриллианту... Даже если эта небольшая подборка оказалась бы всем, под чем Шаламов поставил свою подпись, то и тогда этого было бы достаточно, чтобы его имя осталось в памяти людей... Эти рассказы — пригоршня алмазов»...

Исследовательница творчества Шаламова профессор Е. Волкова верно заметила: «Шаламов — писатель многогранный и стереокопнический. Его тексты подобны кристаллу, поворачивающемуся к нам разными плоскостями. Эти плоскости, то ювелирно отточенные, то намеренно оставленные необработанными, создают мерцание множества смыслов и эстетических бликов. И глядишь, уже пространство расширяется географически, космически до «пролетающей вселенной», а время уходит в глубь веков до библейских истоков».

(«Литературная газета», 1996, 24 апреля)

Не только в глубь веков уходит взгляд Шаламова. Хотя он и считал «неприемлемой для писателя» позу пророка, но словно невольными обмолвками, удивительными предвидениями пронизаны и его проза, и его стихи. Задолго до Чернобыля катастрофа описана им в «Атомной поэме», задолго до нынешней криминализации, в 1972 году, он пишет: «Блатарская инфекция охватывает общество, где моральная температура доведена до благоприятного режима, оптимального состояния. И <общество> будет охвачено мировым пожаром в 24 часа».

(«Знамя», 1993, № 5, с. 154)

На наших глазах мораль преступного мира, этот СПИД конца XX века, заражает постсоветское общество.

Ощутить масштаб таланта Варлама Тихоновича Шаламова можно, лишь поняв пути становления его личности.

Он из мира патриархальной семьи вологодского священника, там над двухэтажным домиком возносятся золотые купола Софий-

ского собора, а под горкой течет неторопливая речка в зеленых берегах, и полощут белье с плотов, как и века назад. Он родом из мира нравственной чистоты и незыблемости, пронизывающей повседневность, быт. Здесь поэзия входит в жизнь, как естественный язык природы и человека.

1918 год — год крушения мира детства. Ему только одиннадцать лет, но трагедия уже входит в его жизнь. Ликующие толпы еще вчера добропорядочных православных прихожан сбрасывают кресты с церквей. Болезнь и слепота отца. Нищета семьи. Обыски еженощные. Смерть брата. Мать, удерживающая семью на грани гибели.

1926 год — поступление в Московский университет. Поиски своего пути в литературу. Поиски правды-справедливости и ненависть к «этому буйволу» Сталину приводят Шаламова в оппозицию. Демонстрации. Подпольная типография.

1929-й, 19 февраля — первый арест. Бутырская тюрьма. Первый этап на Северный Урал, на Вишеру*.

Этот голубоглазый высокий мальчик оказался крепче душой, чем многие другие, он выдержал первую пробу в борьбе с тоталитарным государством: «Необычайная уверенность в своей жизненной силе. Испытанный тяжелой пробой — начиная с этапа из Соликамска на Север в апреле 1929 года, — один, без друзей и единомышленников я выдержал пробу — физическую и моральную. Я крепко стоял на ногах и не боялся жизни. Я понимал хорошо, что жизнь — штука серьезная, но бояться ее не надо. Я был готов жить».

В 1932 году он вернулся в Москву. Эта юношеская проба сил пригодилась Шаламову очень скоро — через пять лет он был этапирован на Колыму. Может быть, именно вишерский опыт позволил ему выжить и морально устоять среди лагерного растрепанства, выжить и написать «Колымские рассказы», еще раз пройдя памятью и чувством свой крестный путь.

«Каждый рассказ, каждая фраза его предварительно прокричана в пустой комнате — я всегда говорю сам с собой, когда пишу. Кричу, угрожаю, плачу. И слез мне не остановить. Только после, кончая рассказ, я утираю слезы».

(«*О моей прозе*»)

* По первому сроку В. Т. Шаламов был реабилитирован только в 2000 г. До этого, при М. Горбачеве и Б. Ельцине в реабилитации было отказано. — прим. Ригосика А. Л.

Так неистощим и многообразен талант писателя. В 1971 году он написал письмо-исследование о своей прозе, в котором предельно, ясно и однозначно сформулировал свое творческое кредо: «Я ставил своей задачей создать документальное свидетельство времени, обладающее всей убедительностью эмоциональности... «Колымские рассказы» — это поиски нового выражения, а тем самым и нового, содержания. Новая необычная форма для фиксации исключительного состояния, исключительных обстоятельств, которые, оказываясь, могут быть и в истории, и в человеческой душе... На свете есть тысяча правд, а в искусстве — одна правда, это — правда таланта».

И. П. Сиротинская, А. Л. Ригосик

